

Глава 1. Сон

Солнце клонилось к закату, расплескивая багряные лучи по изгибам реки Циньхэ. Легкий ветерок морщинил воду, заставляя речную гладь вспыхивать мириадами золотистых искорок, весело плясавших на зыбких волнах.

Фу Цзяньси низко надвинул козырек бейсболки. Ориентируясь лишь по пляшущим теням на асфальте да паре метров дороги перед собой, он сдерживал ход горного велосипеда. Сонливость накатывала тяжелыми волнами, так что разгоняться было опасно. К счастью, набережная в этот час пустовала — ни прохожих, ни машин. Пальцы правой руки сводило мелкой судорогой: после четырех часов непрерывной работы кистью безымянный палец онемел и подергивался. Приходилось держаться за руль осторожно, не сжимая ладонь в полную силу.

Подъезжая к дому, он еще издали заметил Линь Буюй и ее бабушку — они ужинали во дворе, устроившись за каменным столом. Старушка и девчонка всегда жили удивительно ладно и уютно. Именно об этом Фу Цзяньси втайне и мечтал: чтобы дома кто-то ждал, чтобы на столе дымилась миска свежей лапши, а воздух наполнял привычный, убаюкивающий гул ласкового ворчания.

Когда-то и у него было все это. Тепло, покой...

Но время утекло безвозвратно, и теперь у него остались лишь воспоминания да опустевший дом.

Услышав тихий визг тормозов, Линь Буюй вскинула голову и закричала на всю улицу:

— Эй, Цзяньси! Давай к столу, пока горячее! Лапша с грибным соусом!

Голосина у девчонки был такой, что даже через три дома соседи наверняка уже знали, какое блюдо у них сегодня на ужин.

— Иду! — отозвался Фу Цзяньси.

Он стянул бейсболку, повесил ее на руль и пятерней взъерошил примятые козырьком волосы. Закатив велосипед в палисадник своего двухэтажного дома, он даже не стал заходить внутрь, а сразу направился к соседям.

Фу Цзяньси давно пришел к выводу, что с именем Линь Буюй ее родня знатно промахнулась. «Буюй» означало «безмолвная» — дедушка девочки всем сердцем надеялся вырастить утонченную, кроткую барышню. И внешностью природа ее не обделила: личико у Буюй действительно было как у благородной девицы со старинных полотен. Вот только стоило ей открыть рот, как вся магия испарялась. Орала она так, что закладывало уши, а взрывной

характер позволял ей самовоспламеняться без всякой искры.

— Садись, милоч, наворачивай, пока не остыло, — бабушка Линь пододвинула к нему глубокую пиалу, доверху наполненную лапшой под густым ароматным соусом. Поднявшись из-за стола, старушка ласково потрепала парня по вихрастой макушке. — Чтобы все съел, это тебе.

— Спасибо, бабуль! — Фу Цзяньси подхватил палочки и ловко вывалил в миску соломку из свежих огурцов и рубленый омлет из соседнего блюда. — Отдыхайте, мы сами все приберем. Идите лучше сериал досматривать.

Пока он перемешивал лапшу, рот его наполнился слюной так, что говорить стало решительно невозможно. Одно неосторожное слово — и опозорился бы на весь двор.

«Ну и слюняй же ты, Цзяньси»

— Ох, объелась... — Линь Буюй лениво погладила себя по животу и, подцепив палочками одинокую лапшинку, с сомнением уставилась на его тарелку. — Может, доешь за мной?

Фу Цзяньси замер, не донеся палочки до рта. Он молча сцапал свою миску и пересел на самый край скамьи, подальше от девицы. По ее логике, стоило ей предложить объедки, как он должен был пасть ниц, расплыться в благодарной улыбке и заявить: «О, великая королева, объедки с вашего царского плеча слаще любого деликатеса!»

И не спрашивайте, откуда он так досконально изучил все ее повадки. Шестнадцать лет бок о бок в соседях. Начальная школа, средняя, старшая — они тащились по жизни неразлучной парой, словно привязанные друг к другу. Слава богу, хоть в университеты разные поступили, дав ему наконец немного перевести дух.

Хлоп! Линь Буюй с силой припечатала палочки к каменной столешнице. Она прищурила свои красивые глаза с приподнятыми уголками, мечя нешуточные громы и молнии.

Если бы рот Фу Цзяньси не был забит макаронами, он непременно похвалил бы ее удар — еще немного тренировок, и этот гранитный стол разлетится в щепки.

— Цзяньси, чтоб я тебя еще хоть раз лапшой угостила! Всё, лавочка закрыта! — Буюй ткнула изящным указательным пальцем прямо ему в переносицу.

Парень вскинул голову и расплылся в такой ослепительной улыбке, что зажмуриться хотелось. Он лукаво прищурился и улыбнулся, явив миру очаровательную ямочку на левой щеке. Но уже через секунду его лицо вновь превратилось в бесстрастную маску.

— Давай начистоту, — пробормотал он с набитым ртом. — Если я свалю твои остатки к себе, а потом меня стошнит прямо в тарелку... Ты что, решила сэкономить на завтрашнем завтраке?

Полюбовавшись на ее перекосившуюся физиономию — словно девчонка только что проглотила жирную зеленую муху, — Фу Цзяньси преспокойно запихал в рот последние макароны.

— А-а-а! — Буй в ярости снова бабахнула по столу. — Фу Цзяньси! Какой же ты мерзкий! Всё, меня сейчас вырвет... Кха-э...

Картинно зажав рот ладонью, она бросилась к дому. Послышалось дробное шлепанье домашних тапочек — судя по звуку, девица взлетела на второй этаж со скоростью пули.

Классический маневр уклонения от мытья посуды, не меняющийся годами. Старо как мир.

Зато, спровадив эту егозу, Фу Цзяньси наконец-то остался в блаженной тишине.

Собрав посуду, он унес ее на кухню. Когда парень вернулся за второй порцией тарелок, бабушка Линь уже хлопотала у раковины.

— Ой, бабуль, оставьте, я сам все помою, — потянулся было он к губке.

— Иди-ка ты отсюда, — беззлобно проворчала старушка, не прерывая дела. — Тебе поспать надо перед ночной сменой. Иди, иди. Доверить вам посуду — только воду переводить. Да и моющее средство небось не смоете как надо. Травлей собственной бабушки заняться решили? Кто вам тогда готовить будет, а?

Под мерный шум воды и ласковое ворчание пожилой женщины на душе у Цзяньси стало удивительно тепло.

— Бабуль, я завтра после смены заскочу в ту лавку у моста Циньхэ, привезу завтрак. Ничего с утра не готовьте и на улицу не ходите, — прислонившись к дверному косяку, парень с улыбкой наблюдал за ее неторопливыми, выверенными движениями.

— Вот и ладно, вот и хорошо. Уж очень у них пампушки знатные, я этот вкус ни с чем не спутаю.

— Ну, я пошел спать.

Добравшись до середины гостиной, Фу Цзяньси задрал голову и крикнул в сторону лестницы:

— Всё, я ушел! Буй, если хочешь чего-нибудь особенного с набережной — скинь список в сообщения!

Стоило ему переступить порог калитки, как со второго этажа долетел яростный вопль:

— Вали уже!

Вернувшись к себе, он распахнул окно в гостиной. Закатное солнце наискось резало комнату, заливая золотом половину старенького дивана. До работы оставалось чуть больше двух часов. Двадцать минут на дорогу — значит, чистыми на сон есть около полутора часов. Лезть в спальню и переодеваться было лень, поэтому он решил прикорнуть прямо здесь.

Стоило ему подойти поближе, как неодолимая усталость буквально швырнула его тело на мягкие подушки. Чтобы не задохнуться, уткнувшись носом в обивку, Фу Цзяньси повернул голову к спинке дивана, оставив открытыми только нос и рот. Не прошло и пары секунд, как он провалился в глубокий, беспросветный сон.

Густая, непроглядная чернота. Плотная, давящая, безграничная.

Из этой удушливой тьмы робко проклюнулась крошечная белая точка, похожая на острие иглы. Вокруг нее затрепетал призрачный ореол, разрастаясь дрожащим световым пятном, и в мгновение ока эта белизна хлынула во все стороны, затапливая сознание.

Перед глазами возникла стерильная, холодная комната. Единственным цветным пятном в ней были бледно-голубые шторы, ровными складками спускавшиеся до самого пола.

На больничной койке, затерявшись среди кипенно-белых простыней, лежал иссохший, желтолицый старик. Своими костлявыми пальцами он судорожно сжимал чужие ладони — тонкие, хрупкие руки подростка. Красивый темноволосый юноша сидел у постели, низко опустив голову. Шея его была согнута так обреченно, что сквозь натянутую кожу отчетливо проступали позвонки.

В гробовой тишине палаты раздался слабый шелест старческого голоса:

— Жизнь сложна... Слишком многие бредут по ней в полном одиночестве. Не думай о тех, кто ушел. Не береди бывшее. Смотри только на свет, Цзяньси... Иди на свет, и однажды ты выберешься к Солнцу в зените. Цзянь... Цзяньси...

Бездонная тьма вернулась лавиной. Возникло жуткое ощущение падения — словно его швырнули с заоблачной высоты в глубокую пропасть. Легкие сдавило, горло забила соленая вода. Он отчаянно барахтался, задыхаясь, силясь закричать, но безмолвная пучина поглощала любые звуки.

Затем сквозь мрак пробился слабый, тускло-желтый луч. Он не рассеял тьму полностью, лишь выхватил из нее отдельный осколок памяти.

Стройный силуэт в бледно-желтом платье, длинные струящиеся черные волосы. Она мертвой хваткой вцепилась в ручку чемодана — так сильно, что костяшки пальцев побелели. Словно этот кусок пластика был ее единственной спасительной соломинкой.

Она замерла, положив вторую руку на металлическую калитку. Женщина долго стояла неподвижно, так и не найдя в себе сил обернуться и посмотреть на маленького мальчика, сидевшего в нескольких шагах позади, на бетонных ступенях крыльца.

Четырехлетний ребенок крепко прижимал к груди игрушечный самолетик. Мать сунула его ему в руки час назад, едва переступив порог дома, и с тех пор малыш ни разу не выпустил подарок.

— У мамы дела... Поезжай к бабушке. Главное — не оставайся с отцом... — слова давались ей с трудом, повисая в тяжелом воздухе.

— Ладно, — послушно кивнул мальчик.

Голоса накладывались друг на друга, фразы двоились, теряя смысл, и эхом отдавались в сужающемся желтоватом пространстве:

«У мамы дела... Не оставайся с отцом...»

«Куда она ушла?»

Этот силуэт больше никогда не возвращался, сколько бы ребенок ни звал, сколько бы ни захлебывался слезами.

А потом притупилось. Да, он просто забыл.

Некоторые люди со временем неизбежно превращаются в размытые, бесплотные тени на задворках памяти.

Желтое свечение окончательно померкло, уступая место грязному, пепельно-серому туману — душному и зловещему, как затишье перед грозой.

Полутемный, заваленный хламом сарай, насквозь пропитанный застарелой сыростью и плесенью.

В самом темном углу стояло старое оцинкованное ведро. Его проволочная ручка давно покрылась рыжей ржавчиной, но само оно еще держалось.

В слабом свете, пробивающемся сквозь щели, было видно, что на дне ведра устроена теплая постелька из сухого тряпья. На ней копошились четыре крошечных, еще нетвердо стоящих на лапах котенка. Их тонкий, жалобный писк — такой мягкий и беззащитный — казался совершенно чуждым этому угрюмому месту.

Тяжелая дверь приоткрылась, и в щель юркнул маленький мальчик.

— Смотрите, что у меня есть! Пирожное, мне бабушка купила. Это вам. Мы ведь теперь друзья? — ребенок низко наклонился над ведром, почти касаясь котят лицом. Крошечными пальчиками он отщипывал сладкие крошки и бережно совал их в розовые ротки. — Растите скорее! Скоро у дедушки созреет виноград, мы будем есть его вместе.

Его звонкий, счастливый смех разносился по пыльному сараю.

Бабах! Железная дверь распахнулась от сильного удара. На пороге вырос высокий силуэт. Лицо мужчины было перекошено от злости, глаза дико блеснули. Шатаясь из стороны в сторону, он тяжело двинулся прямо на ребенка.

— Ах ты, ублюдок малый! Вместо уроков опять с этой гнилью возишься?! Жить надоело?! — пьяный рев заполнил всю серую вселенную.

Мужчина подхватил ржавое ведро за ручку и размашистым шагом направился из сарая во внутренний двор.

Мальчик бросился следом, но короткие ножки не слушались, он падал, поднимался и снова бежал, захлебываясь слезами:

— Папа, папочка, пожалуйста, не надо! Папа!..

В его крике смешались дикий ужас, детская обида и мольба.

Отец выкатился со двора. Впереди чернела река — бурная, ледяная, дышащая свирепым февральским холодом. Даже несмотря на то, что он шатался от пьянства, мальчик всё равно не смог его догнать. На его глазах мужчина перевернул ведро кверху дном. Котята, цепляясь когтями за воздух, один за другим посыпались в ледяной поток. Следом полетело мокрое тряпье.

— Папа... — этот тихий, сорванный шепот так и не долетел до затуманенного алкоголем разума.

Из воды донеслось отчаянное, захлебывающееся мяуканье.

Малыши боролись за жизнь из последних сил, их тонкая шерстка мгновенно намокла, превратив крошечные тельца в жалкие комочки.

Жалобный писк внезапно сменился истошным, режущим уши визгом. Один из котят, бело-рыжий, уцепился лапками за скользкий валун посреди реки, но набежавшая волна безжалостно смыла его, утянув на дно.

Один за другим. Все ушли под воду.

Детский плач, грубая брань, шум течения... Что еще там было?

Серый кошмар лопнул, и сознание вновь поглотил холодный мрак.

Грудь сдавило тисками. Не вздохнуть.

Страх сковал все тело.

Фу Цзяньси резко распахнул глаза. Сердце бешено колотилось в ребрах, дыхание перехватило. С трудом сделав несколько судорожных вдохов, он попытался унять липкий ужас и в ярости обрушил кулак на диванную подушку.

Глухой хлопок разорвал тишину комнаты, но легче не стало — призрак кошмара все еще стоял перед глазами. Парень соскочил с дивана и, зажав виски ладонями, побрел в ванную. Он принялся пригоршнями плескать в лицо ледяную воду, смывая остатки липкого пота. Напоследок сделал глоток, прополоскал рот и наконец почувствовал, как мысли возвращаются в привычное русло.

Выйдя из ванной, он бросил взгляд на настенные часы. Прошел всего час.

Прихватив висевшую на руле горного велосипеда черную бейсболку, Фу Цзяньси направился во внутренний двор под сень виноградных лоз. Выкатив свой белый электроскутер «Маленький Король Черепах», он отправился на ночную смену в развлекательный комплекс «Лазурное море и облачное небо».

Прохладный ночной воздух мгновенно согнал остатки дремоты.

«Ну и размазня же ты»

И надо же было так испугаться дурацкого сна! словно ему никогда не снилось ничего похуже, или это первый раз, когда из глубин памяти вылезло старое дерьмо.

Видимо, жизнь в последнее время стала слишком спокойной, вот он и расслабился.

Коллекторы что-то давно не заявлялись. Да и папаша, Фу Тяньюй, затих.

Если эти твари не будут напоминать о себе, он ведь действительно решит, будто мир вокруг может быть тихим и безопасным.

Ну же! Давайте!

Приходите все разом, чего вы резину тянете? То пропадаете на месяцы, то устраиваете ад. Соберитесь уже толпой и навалитесь, если смелости хватит!

От этих мыслей на душе почему-то полегчало, и он невольно замурлыкал под нос мотив старой песенки:

«Иди ко мне, давай безумствовать, у нас ведь прорва времени... Иди ко мне, давай чудить, ведь жизнь полна соблазнами...»

Вырулив на дорогу на своем белом скутере, Фу Цзяньси катил вдоль набережной Циньхэ, любуясь ночными огнями и тихонько напевая. От собственного фальшивого вокала по спине побежали мурашки, которые прохладный речной ветер тут же унес в темноту.

<http://bllate.org/book/18325/1756761>